

УДК 94 (47.067)

УРАДИНСКАЯ НАДПИСЬ (К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ АВАРСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ НА ОСНОВЕ ГРУЗИНСКОГО АЛФАВИТА)

Ш. М. Хапизов

ОО «Региональная национально-культурная автономия аварцев РД»

Статья посвящена анализу т.н. «албанской надписи» (термин Н.Я. Марра), которая выполнена на аварском языке при помощи грузинского шрифта нусхури. Камень с этой надписью был обнаружен в 1923 г. в с. Урада (Шамильский район РД), а в 1947 г. посмертно вышла статья Н.Я. Марра, посвященная ее чтению и анализу. Автор предлагает свое прочтение этой надписи, а также рассматривает вопросы распространения христианства в Аварии.

This article analyzes the so-called «Albanian inscription» (a term applied N. Marr). The inscription is written in the Avar language by the Georgian font nuskhuri. A stone with an inscription was discovered in 1923 in Urada village (Shamil district RD). In 1947 N. Marr's article devoted to its reading and analysis was published. The author suggests a reading of the inscription as well as examines the spread of Christianity in Avaria.

Ключевые слова: Дагестан; Грузия; Авария; средние века; христианство; ислам; эпиграфика.

Keywords: Daghestan; Georgia; Avaria; Middle Ages; Christianity; Islam; epigraphics.

В 1923 г. Дагестан посетила экспедиция исследователей из Москвы для изучения на месте одного из малообследованных регионов Кавказа. Руководил ею проф. Н.Ф. Яковлев (лингвистика, этнология), помимо него в группу входили: проф. А.С. Башкиров (археология), проф. Н.Б. Бакланов (история архитектуры и искусства), проф. Л.И. Жирков (лингвистика, фольклор), а также ряд научных сотрудников и фотограф. В состав членов экспедиции были включены также молодые дагестанские исследователи Абдулатип Шамхалов и Бадрудин Халилов. Результаты данного исследовательского проекта были весьма обнадеживающими, а «одной из важнейших находок», по словам самого Н.Ф. Яковлева, стала обнаруженная в с. Урада Гунибского округа (ныне Шамильский район РД) надпись на небольшом фрагменте камня (13,8×20,3 см) «с частью надписи древнегрузинским шрифтом, который, по общему правилу и к нашему счастью, оказался вложенным в стену лицом наружу, будучи использован строителем, очевидно, тоже в качестве орнаментального мотива. Фрагмент, по словам хозяина дома, найден был при земляных работах, связанных с постройкой жилища, во дворе теперешнего строения» [1]. Камень с надписью был вывезен членами экспедиции в Москву.

Уже в следующем, 1924 г. данный памятник эпиграфики стал предметом исследования проф. Н.Я. Марра – известного лингвиста и кавказоведа. Однако его работа, посвященная анализу данной надписи, была опубликована лишь в 1947 г., после его смерти и выхода в свет статьи А.С. Чикобавы, посвященной первой выявленной грузинско-аварской надписи.

Н.Я. Марр, будучи глубоким знатоком кавказско-иберийских языков и особенно грузинского (он был его родным языком, поскольку ученый родился в Грузии и его мать была грузинкой), отмечал, что «к фрагменту надо подойти с осторожностью как к одному из видов использования грузинского церковного письма в памятниках не грузинской речи, а вообще северокавказских языков» [2, с. 8]. Согласно исследователю, надпись в четыре строки могла быть «с продолжением справа, отбитым». То есть перед нами, очевидно, обломок камня с неполным текстом надписи, хотя, по всей видимости, уцелела большая часть текста, за исключением его краев. При чтении надписи Н.Я. Марр за основу брал лексический состав аварского языка, но также обращался и к другим кавказским языкам, мотивируя это общим базисом «языческих представлений северокавказских яфетидов», т.е. полагая, что в северокавказских языках имел место процесс взаимопроникновения религиозных терминов [2, с. 11]. Следует иметь в виду, что эта статья Н.Я. Марра, вернее ее рабочая версия, хранилась в его личном архиве и была опубликована спустя 13 лет после его смерти. Потому возможно, что некоторые положения статьи не удовлетворяли самого исследователя, который не успел при жизни завершить статью и подготовить ее к печати. Н.Я. Марр после изложения своей версии прочтения надписи писал, что «вопрос и важность не в том нагромождении гадательных толкований, которые так легко сделать при ограниченности контрольных средств (хотя бы параллельных чтений других надписей на том же языке), сколько в том, чтобы начатое накопление северокавказских материалов шло дальше» [2, с. 13].

Таким образом, мы видим, что сам Н.Я. Марр оценивал свое прочтение данной надписи как первый опыт, как первый шаг в этом направлении. При этом, как подчеркнул много позже С.Н. Муравьев, «Н.Я. Марр читал ее на основе аварского языка» [3].

Ниже мы приводим перевод данной надписи, согласно Н.Я. Марру:

*Христе нашей Албании (вариант: крест нас албанов)
божество, святая
дева Мария
Астарская, свят... [4, с. 13].*

В своем прочтении надписи Н.Я. Марр был безусловно уверен лишь в одном: «вне всякого сомнения лишь следующее: в конце третьей строки под титлом тремя согласными буквами MRM выписано имя Mariam, может быть, на языке надписи Maugam, т.е. «Мария» [4, с. 12]. В остальном он предлагал свое чтение с той или иной степенью уверенности.

В первой букве первой строки, расположенной перед двоеточием, Н.Я. Марр видел обозначение Христа («точно формула грузинских надписей – «Христе» одной буквой (здесь, быть может, двумя, если буква, перед двоеточием на «а», а двугласный «еу»)» [4, с. 12]). Второе слово первой строки, которое обрывается в конце из-за скола камня, он читал как «гъарул», учитывая, что во второй строке читается только «гъар», а первой буквой второй строки является «л». Это слово «гъар», согласно Н.Я. Марру, якобы являлось племенным названием албанцев и в тексте дано в родительном падеже аварского языка [4, с. 13].

После этой первой буквы во второй строке следует двоеточие-словоразделитель, после которого читается слово «гимо». Н.Я. Марр думал, что это вариант термина Gimor/Gemor, который переводил как «небеса, божество» [4, с. 12]. После следующего двоеточия во второй строке следуют две буквы («ва...»), которые вместе с первой буквой третьей строки (перед двоеточием-словоразделителем) Н.Я. Марр читал как одно слово – «вацо» и переводил как «святой» [4, с. 11] (отталкиваясь от аварских *б-ацIцIуне* – «чистить», *б-ацIцIад* – «чисто» и учитывая наличие в осетинском слова «уац», которое еще В.Ф. Миллер переводил как «святой» [5]).

Мы предлагаем внести определенные конъектуры в аварский текст надписи и читать данную часть текста (строки 1, 2 и начало строки 3) следующим образом:

*(Кристед)а гъару(ла) (гурхIе)л гимо ва(цIил)о
«У Христа прошу милости и очищения [от грехов]».*

Таким образом, мы согласны с тем, что первая буква строки 1 представляет собой окончание сокращения и обозначает «Кристед», но далее, учитывая содержание подобных лапидарных текстов, не вызывает сомнений, на наш взгляд, что в надписи содержится мольба, обращенная к Христу. Другие сходные тексты содержат просьбу *цIоб лъеги* – «да помилует» (см., напр.: [6]), которая в данном случае заменена иным обращением – *гъарула гурхIел гимо вацIи-ло*. *Гъару* – это, очевидно, начальная часть слова *гъарула* – «прошу» (от *гъари* – «просьба, моль-

ба»; *гъаризе* – «просить, умолять, молить» [7, с. 170]. Далее в тексте следует буква «л» (первая буква строки 2), которая предположительно является конечной частью слова *гурхIел* (ср. словосочетание *гурхIел-цIоб* – «милосердие» [7, с. 153], в котором слова *гурхIел* и *цIоб* выступают синонимами и в таком словосочетании усиливают его значение; как самостоятельное слово *гурхIел* имеет значения «жалость, сожаление, сострадание, милосердие» [7, с. 152–153]).

После буквы «л» и словоразделителя в строке 2 следуют четыре знака, образующие слово *гимо* (вар. *гиму*; аварские диалекты делятся на северные «окающие» и южные «укающие»), которое в старом аварском языке и фольклоре употреблялось в качестве союза «и» (к примеру в эпической песне о разгроме Надир-шаха: «*Бухтибгиму Сугъралъ*» – «Бухты и Согратль»; «*Гъидгиму къаралал, къелгиму тIелкъал*»; «*Ай ГIашатилгимун босен цолъана*»; «*Элгиму къаралаз сангар тIвечIебни*» [8]). В современном аварском этот союз употребляется в усеченном варианте – *ги*, а полная форма *гимо* сохранилась лишь в памятниках фольклора. Кроме того, следует отметить, что в тексте надписи слово *гимо* написано как отдельное слово, будучи выделенным словоразделительными двоеточиями, ныне же оно пишется уже слитно с первым словом.

Затем в строке 2 следуют еще две литеры *ва...*, которые, на наш взгляд, могут быть частью слова *вацIуIи-ло*, т.е. «очищение (от грехов)». Н.Я. Марр предлагал подобное чтение (*вац*), но с другим смыслом – «святой». В современном аварском языке применительно к человеку слово *вацIуIа-дав* имеет два значения – «чистый» и «честный, добропорядочный» [9].

В начале строки 3 стоит одинокая буква *о/у*, после которой следует отделенное словоразделителями слово «оломо», которое по написанию представляется двусоставным – после слога «оло» имеется небольшой пробел и далее – слог «мо». Исходя из этого, не исключено, что здесь перед слогом «мо» опущен начальный слог «ги», и текст надо реконструировать как *оло (ги)мо*. Последние три буквы этой строки *мрм* уверенно читаются как Мариам. Тогда текст строки 3 восстанавливается следующим образом: *Оло(ги)мо Мариам*, т.е. «Оло и Мариам».

Учитывая особенности грузинской и аварской фонетики (отсутствие в грузинском языке аварской фонемы *гI*, которая, очевидно, здесь пропущена) и аварского ономастикона, мы полагаем, что здесь записано аварское мужское имя *ГIоло* (вар. *ГIолав*), что в переводе означает «молодой [человек]» (от этого корня образованы слова: *гIолохъан* – «молодой человек», *гIолохъаби* – «молодежь», *гIоллги* – «молодость» и т.д.). Обратим внимание на то, что и сейчас в гидатлинском диалекте аварского языка мужские имена нередко имеют окончание *-ло*, тогда как в иных диалектах и говорах аварского и в литературной норме распространено окончание личного имени *-лав* (например, Адало вместо общеаварского Адалав). Отсюда следует, что в тексте надписи речь идет о мужчине и женщине (супругах?) с именами Оло и Мариам, для которых собственно у Христа испрашиваются милость и прощение грехов.

Однако в этом чтении есть уязвимое место – эта форма единственного числа мужского класса, примененная для слова *вацIуIи-ло* («очищение [от грехов]»), тогда как для двух лиц должна была применяться форма множественного числа – *рацIалги*. Но и тут существуют исключения в виде существительных – застывших форм глаголов в мужском роде, которые ныне применяются для всех родов. Это обстоятельство позволяет нам предположить, что данная лексема проникла в живую речь и письменную традицию и воспринималась как обобщенная форма для мужского, женского и неодушевленного родов.

Нижнюю четвертую строку Н.Я. Марр читал как *Астарил вац*, т.е. в переводе с аварского – «Астарская святая» (применительно к *Мариам*). Однако он же допускал, что его «не трудно было истолковать в смысле термина родства» [10] на аварском языке, почему-то предлагая значение «сын» (*вас*), а не «брат» (*вац*), что логичнее было бы правильнее в данном случае. Мы же считаем, что в данном случае речь идет именно о термине родства, а не о «святой». Сложнее обстоит вопрос с реконструкцией начала первого слова (*...астарил*), которое, на наш взгляд, не обязательно читается именно в версии, предложенной Н.Я. Марром. Эта строка дефектна – отколот ее нижний край, что заметно затрудняет ее чтение. Тем не менее, на наш взгляд, Н.Я. Марр правильно прочитал первые (*...аст*) и последние три литеры (*...рил*), в то время как прочтение центральной фонемы (*...а...*) небезупречно и здесь может быть предложено несколько вариаций, хотя предложенный им вариант, конечно, предпочтительнее.

Не исключено, что эта строка должна реконструироваться как *Дастарил вац* «брат Дастара». Возможно, здесь упоминается брат некоего *Дастара* или *Дастура*, который, вероятно, изготовил эту надпись или же фигурирует в ней в каком-либо другом качестве. Учитывая, что в аварском языке нет подобного имени собственного, а также принимая во внимание большое влияние иранской государственной системы на Восточный Кавказ и, в частности, Аварию, вследствие чего целый ряд аварских общественно-политических терминов имеет иранские корни, мы полагаем, что и слово *дастар* в надписи является иранским по происхождению.

Наиболее вероятно, что тут мы имеем дело со среднеперс. *dastwar* или новоперс. *dastūr*, которое, согласно *Encyclopædia Iranica*, в сасанидский период имело значение «авторитет; имею-

щий силу, власть», а позднее семантический ряд его заметно пополнился новыми значениями, которые менялись в зависимости от времени и места использования [11]. Среднеперс. *dastwar* – «авторитет», согласно мнению И.С. Якубовича, образовано от *dasta* – «рука» и *bar* – «нести, производить, приложить» [12] (ср. авар. аналог *кверцел* – «власть, авторитет» от *квер* – «рука» и *цвезе* – «получить, достать»). В зороастризме *dastūr* – это священнослужитель высокого ранга, руководитель религиозной общины провинции (аналог епископа). Наряду с этим в светской литературе этот термин употребляется в смысле «руководитель», «наставник». Слово *дастур* было заимствовано в классический арабский язык и через него проникло в различные языки Азии, как *dostūr* с различными значениями, главным образом, «формуляр, устав, разрешение, конституция». В грузинский язык это слово вошло приблизительно в том же значении – «устав, инструкция, распорядок» [13]. В словаре современного персидского языка *дастур* имеет два значения – «министр, визирь, советник» и «главный жрец у зороастрийцев» [14]. Особое внимание следует обратить на наличие в тушинском диалекте грузинского языка слова *дастури*, которым обозначается «служитель креста» [15], т.е. христианский священнослужитель. В каком качестве использовано реконструируемое слово *дастар* в рассматриваемой надписи, непонятно – то ли как обозначение должности, то ли как мужское личное имя.

Прояснить этот вопрос помогает обращение к этнографическому материалу, собранному в 1927 г. известным исследователем Г.Ф. Чурсиным. Согласно записанной им устной традиции, некогда «в ущельях Гидатля владычествовал легендарный феодал Оло, прославившийся своей жестокостью и державший в страхе как гидатлинцев, так и хунзахцев. Объединившись против тирана, гидатлинцы и хунзахцы совместными усилиями разбили войско Оло и убили его самого» [16]. Схожее предание, в котором говорится о «низвержении со скалы бунтарями-заговорщиками жестокого гидатлинского владетеля... Оло-Шоавха», было записано в начале XX в. и Б. Малачихановым. Он подчеркивает, что этим термином (ед. ч. *шауха*, мн. ч. *шухби*) обозначали «представителя классовых верхов Гидатлинской долины» [17]. В этой связи возникает вопрос об отождествлении Оло урадинской надписи и легендарного феодала Оло, о котором Г.Ф. Чурсину в начале XX в. рассказал старожил из с. Урада Али Абдурахманов. Постановка такого вопроса уместна, учитывая, что заказ поминальной надписи не был рядовым событием и, скорее всего, его уместнее отнести к привилегии знатного сословия. С учетом же упоминания в надписи некоего *дастара/дастура*, под которым можно понимать местного феодала (и одновременно – служителя христианского святилища?), коим являлся известный в устной традиции Оло, эта версия обретает большую достоверность. В Гидатле известно сословие местных правителей – *чIухIби* или *шухби*, которые, возможно, являются потомками этого Оло.

Таким образом, надпись, возможно, была сделана братом дастара (авар. аналог – *чIахIал*, *шванхал*), т.е. местного феодала по имени Оло и посвящена его покойному брату и его супруге Мариам.

Резюмируя анализ надписи, отметим, что она выполнена церковным почерком нусхури (использовался в IX–XVII вв.) с элементами мргловани (до X в.). К примеру, буква *з* (г) типична для нусхури, а литеры *ð* (м), *o* (о) – для мргловани. Исходя из анализа написания отдельных литер, надпись можно датировать XIV в. Ниже приводим предлагаемое нами чтение надписи:

(1) (ქროსტედ)ა : ჰარო(ლა)
«(Кр)ист(Е)д)а: г)аро(ла)»

(в пер. с авар.: «У Христоса прошу»)

(2) (გურჰე)ლ : გიმო : ვა(წი)
«(гур)х(Е)л г)имо ва(ц)и)-

(в пер. с авар.: «милости и очищения [от грехов]»)

(3) (ლო) : ოლო (გო)მო მ(ა)რ(ი)მ(ი)ე

«(л)о Оло(г)имо М(а)р(и)м(и)е»

(в пер. с авар.: «для Оло и Мариам»)

(4) (და)სთაროლ ვაჰ

«(Д)астарил вац»

(в пер. с авар.: «Дастара брат»).

В 1995 г. в своей книге «Алупанская (кавказско-албанская) письменность и лезгинский язык» к урадинской надписи обратился известный своими «дешифровками» и псевдонаучными изысканиями Я.А. Яралиев. Основная часть его труда посвящена переводу и комментированию фальшивой рукописи, подробный анализ которой был сделан М.С. Гаджиевым, убедительно и на конкретных фактах доказавшим, что она написана в конце XX в., а не в VIII в., как это пытался обосновать Я.А. Яралиев [18].

Я.А. Яралиев необоснованно обозначил урадинскую находку как «Гунибский камень» [19], тогда как к Гунибу она никакого отношения не имеет. М.С. Гаджиев обратил внимание на то, что Я.А. Яралиев неверно воспроизвел прорись Урадинской надписи, изменил начертания ряда букв и «не заметил», что слово «Мариам» (MRM) стоит под титлом [20]. Несмотря на то, что Н.Я. Марр четко показал, что надпись сделана с помощью грузинского алфавита, Я.А. Яралиев пытался уловить сходство букв урадинской надписи с литерами известной мингечаурской кавказско-албанской надписи на постаменте алтарного креста (о ней см., напр.: [21, 22]), и, главным образом, фальшивой рукописи, названной им «Албанская книга». Стремясь установить кавказско-албанский характер урадинской надписи, Я.А. Яралиев замечает: «Слова на камне отделены друг от друга двоеточиями. Такими же двоеточиями отделены друг от друга названия букв в албанском алфавите Матенадаранского списка» [23]. При этом исследователь, видимо, не знает, что словораздел обозначается двоеточием (реже – троеточием) в средневековых и грузинских, и армянских текстах, в т.ч. в памятниках эпиграфики. Специалистами уже отмечена неудачная попытка прочтения урадинской надписи Я.А. Яралиевым на основе лезгинского языка с далеко идущими предположениями и заключениями [24]. Не получив удовлетворительного перевода урадинской надписи, Я.А. Яралиев, исходя из того, что якобы первая буква урадинской надписи похожа на одну из букв мингечаурской надписи, представляет назализированный звук *a(n)* и отдельное слово *a(n)*, которое в переводе с лезгинского означает «тог, другой», делает заключение, что «может быть, весь текст надписи... состоит из слов, демонстрирующих назализацию букв» и затем приходит к выводу, что «очевидно, «Гунибский камень» служил учебным пособием для демонстрации этой грамматической особенности лезгинского языка» [25, с. 114].

Встречая непреодолимое препятствие в идентификации букв урадинской надписи с кавказско-албанскими, Я.А. Яралиев приходит в итоге к нелепейшему заключению: «Такое разнообразие начертаний букв и передающихся ими звуков говорит о том, что в Албании существовало несколько алфавитов, близких друг к другу, но язык был один – лезгинский» [25, с. 113]. При этом «дешифровщика» нисколько не смущает ни такой вывод о существовании нескольких алфавитов для одного языка, ни само нахождение урадинской надписи, якобы являющейся учебным пособием по назализации лезгинского языка, в центре авароязычного ареала!

Обращаясь к значению данного памятника эпиграфики, отметим, что еще в 1924 г. Н.Ф. Яковлев заключил, что «необычайное богатство Хидатля всякого рода древностями, – богатство, указывающее на несомненную долгую культурную традицию, выходящую за пределы мусульманства, сообщает исключительный интерес дальнейшему исследованию этого района» [26]. Однако в дальнейшем данный регион не стал объектом широкомасштабных археологических исследований, хотя определенная работа в этом направлении была проведена.

Христианские погребальные памятники, обнаруженные в различных районах горной Аварии, и в частности в с. Урада, где была найдена исследуемая надпись, имеют большое значение для понимания обстоятельств создания грузинских и аварских надписей христианского характера. Средневековый могильник у с. Урада был исследован в 1955 г. В.Г. Котовичем и датирован им X–XIV вв. [27]. Выяснилось, что Урадинский могильник существовал в течение длительного времени, о чем свидетельствовала многоярусность захоронений, разрушение более ранних погребений более поздними. В Урадинском могильнике на плитах перекрытия были обнаружены массивные каменные кресты, в самих могилах прослежен тлен от досок и остатки деревянных гробов. Судя по погребальному обряду, Урадинский могильник принадлежал местному населению, приобщившемуся к христианству, но еще сохранившему в своих обрядах элементы язычества (см.: [28]). Д.М. Атаев по материалам погребального инвентаря пересмотрел датировку Урадинского могильника, сместив ее в более ранний период – VIII–X вв. [29]. П.И. Тахнаева считает, что материалы Урадинского могильника не только знакомят нас с культурой местного христианизированного населения, но и позволяют опровергнуть сведения арабских авторов IX–X вв. о том, что в Сарире христианство исповедовали только царь и его окружение. Основывается это утверждение не только на расширении географии распространения христианской погребальной обрядности за пределы исторического центра Аварии – Хунзахского плато, но и на материалах раскопанных погребений, которые не отличаются богатством, что позволило заключить, что они принадлежали «рядовым обитателям, которые также начинали приобщаться к христианству» [30]. Также следует указать, что согласно сообщениям местных жителей (в ряде случаев подтверждаемым находками памятников христианской культуры) в ряде населенных пунктов Гидатля (с. Урада, Тидиб, Хотода, Мачада) имелись христианские храмы. В с. Тидиб в месте, где была расположена церковь, археолог Д.М. Атаев обнаружил бронзовое кадило [31]. За северным краем с. Мачада, по преданию, находился христианский храм, который был сожжен местными жителями после принятия ислама [32].

Таким образом, Гидатль являлся одним из аварских регионов, в котором христианство пустило глубокие корни. Здесь практически в каждом селении (Урада [33], Тидиб [33], Мачада

[34], Хотода [34]) обнаружены остатки церквей, христианские могильники, изображения крестов на камнях и т.д. [35–38]. Стоит отметить и относительно позднее приобщение населения Гидатля к исламу, что позволило дольше сохраниться христианству и соответственно – письменной традиции с использованием грузинского алфавита. Еще в начале XX в. известный просветитель и знаток арабоязычных источников по истории Дагестана Али Каюев сообщал, что, согласно письменным источникам, Гидатль принял ислам в 1475 г. [39].

Возможно, этим обстоятельством объясняется то, что именно в Ураде – центре Гидатля, расположенного в срединной, изолированной части горной Аварии, была найдена надпись, которая полностью написана на аварском языке. Учитывая вышеизложенное, надпись сделана, на наш взгляд, в первой половине XV в., чему не противоречит ее палеография, и отражает постепенный переход с грузинского языка на аварский в эпиграфике и, возможно, в богослужении. Этот процесс был прерван набравшей силу исламизацией Аварии и, как следствие, отказом от использования грузинского шрифта в пользу арабского алфавита.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яковлев Н. Новое в изучении Северного Кавказа (Предварительный отчет о работах дагестано-чеченской экспедиции 1923 г. в Дагестане) // Новый Восток. 1924. № 5. С. 250.
2. Марр Н.Я. Албанская надпись // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Ин-та истории материальной культуры им. Н.Я. Марра. Вып. XV. М.; Л., 1947. С. 7–14.
3. Муравьев С.Н. Три этюда о кавказско-албанской письменности // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Вып. VIII. Тбилиси, 1981. С. 293.
4. Марр Н.Я. Указ. соч. С. 11–13.
5. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч. 1 (Осетинские тексты) // Учен. зап. Имп. Моск. ун-та. М., 1881. Вып. 1. С. 120.
6. Хапизов Ш.М. О грузинско-аварских надписях на каменных крестах // Вестн. Дагест. науч. центра. 2014. № 54. С. 68.
7. Саидов М.-С. Аварско-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1967. 808 с.
8. Надир-шагъ щущахъ вихизави / хИадурана Ш. ХИапизовас ва Ж. МаламухИамадовас. МахIачхъала, 2012. Гъ. 26, 27, 48, 51.
9. Саидов М.-С. Указ. соч. С. 125.
10. Марр Н.Я. Указ. соч. С. 10.
11. Encyclopaedia Iranica. 1994. Vol. VII, Fasc. 1. P. 111–112.
12. Якубович И.С. Новое в согдийской этимологии. М., 2013. С. 56, 65.
13. Сургуладзе И.И. История государства и права Грузии. Тбилиси, 1968. С. 90.
14. Персидско-русский словарь / под ред. Ю.А. Рубинчика. М., 1970. Т. I. С. 639.
15. Цоцанидзе Г. От листопада до листопада / пер. с груз. З. Джапаридзе. Тбилиси, 2008. С. 257.
16. Чурсин Г.Ф. Авары. Этнографический очерк. 1928 г. / ред. Р.И. Сефербеков. Махачкала, 2008. С. 24.
17. Багадур Малачиханов / авт.-сост. А.М. Муртазалиев. Махачкала, 2004. С. 211.
18. Гаджиев М.С., Кузнецов В.А., Чеченов И.М. История в зеркале паранауки: Критика современной этноцентристской историографии Северного Кавказа. М., 2006. С. 201–236.
19. Яралиев Я.А. Алупанская (кавказско-албанская) письменность и лезгинский язык. Махачкала, 1995. С. 78, 95, 113.
20. Гаджиев М.С., Кузнецов В.А., Чеченов И.М. Указ. соч. С. 210.
21. Абрамян А.Г. Дешифровка надписей кавказских агван. Ереван, 1964. С. 39–50.
22. The Caucasian Albanian Palimpsests of Mt. Sinai / ed. by J. Gippert, W. Schulze, Z. Aleksidze, J.-P. Mahe. Brepols, 2008. Vol. II. P. II-85–II-87.
23. Яралиев Я.А. Указ. соч. С. 113.
24. Гаджиев М.С., Кузнецов В.А., Чеченов И.М. Указ. соч. С. 210.
25. Яралиев Я.А. Указ. соч. С. 113–114.
26. Яковлев Н. Указ. соч. С. 250.
27. Котович В.Г. Отчет о работе горного отряда ДАЭ в 1955 г. // Материалы к археологии Дагестана. Махачкала, 1961. Т. 2. С. 45–46.
28. Тахнаева П.И. Христианская культура средневековой Аварии в контексте реконструкции политической истории (VII–XVI вв.). Махачкала, 2004. С. 65–66.
29. Атаев Д.М. Христианские древности Аварии // Учен. зап. ИИЯЛ. Т. IV. Махачкала, 1958. С. 166.
30. Тахнаева П.И. Указ. соч. С. 67.
31. Атаев Д.М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье (по материалам археологических раскопок Аварии). Махачкала, 1963. С. 165, 167.
32. Яковлев Н. Указ. соч. С. 246.
33. Атаев Д.М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье... С. 201.
34. Тахнаева П.И. Указ. соч. С. 81.
35. Атаев Д.М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье... С. 200–201.
36. Атаев Д.М. Христианские древности Аварии. С. 165.
37. Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана. М., 1993. С. 191–194.
38. Тахнаева П.И. Указ. соч. С. 80–81.
39. Къагъевлул Аь. Лаку мазрал ва тарихрал материалу. Махачкала, 2010. С. 63.

Поступила в редакцию 12.03.2015 г.
Принята к печати 28.09.2015 г.